

стремиться установить и детально зафиксировать мельчайшие детали расследуемого события, уделяя особое внимание дублирующимся фактам. Именно дублирующиеся факты и являются своеобразными звеньями, связывающими отдельные доказательства в единую стройную систему. В рамках данной системы каждое доказательство обеспечивает достоверность совпадающих с ним доказательств и за счет этого же совпадения обеспечивает собственную достоверность.

Стремление следователя упростить процесс производства следственного действия и игнорирование мелких деталей расследуемого события приводит к их утрате и к разобщенности доказательств. Отсутствие жесткой логической связи между доказательствами приводит к замене достоверной информации предположениями и суждениями, что существенно подрывает достоверность собранных по делу доказательств.

По нашему мнению, криминалистические аспекты формирования единой системы доказательств по уголовному делу требуют дальнейшего изучения и серьезной разработки с позиции как стороны обвинения, так и стороны защиты.

*М.М. Шейфер**

ДОПРОС КАК СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ

Важнейшим аспектом реализации социального и процессуально-правового статуса свидетеля является его обязанность дать полные и правдивые показания об известных ему обстоятельствах. Показания свидетелей – наиболее широко применяемое в судопроизводстве доказательство. Оно на практике подтверждает свою эффективность, так как позволяет органам расследования и суду устанавливать все без исключения обстоятельства, образующие в соответствии со ст. 73 УПК РФ предмет доказывания по делу. Результаты нашего ис-

* Шейфер М.М., 2008

Шейфер Марина Михайловна – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

следования подтверждают высокую эффективность показаний свидетеля. Так, из числа показаний, обладавших относимостью, событие преступления освещалось в 70% случаев, виновность обвиняемого — в 61%, обстоятельства, характеризующие личность, — в 55%, характер и размер вреда, причиненного преступлением, — в 73% случаев.

Как показывает практика, основной способ получения свидетельских показаний — допрос. Показания свидетеля могут быть получены и при проведении иных следственных действий: очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте. В нашей статье внимание будет уделено основному способу получения свидетельских показаний — допросу, поскольку иные перечисленные следственные действия неминуемо включают в себя его элементы.

В УПК РФ мы не находим определения допроса. В научной литературе особых дискуссий по этому поводу нет. Наиболее точным представляется следующее определение: допрос — это получение в соответствии с установленной законом процедурой от допрашиваемого лица сведений о существенных обстоятельствах дела путем постановки перед ним задачи на воспроизведение и передачу хранящейся в его памяти информации в устной форме¹. Целесообразно включить данное определение в текст ст. 189 УПК РФ, содержащей основные правила допроса.

УПК РФ регламентирует основания и порядок допроса во многих нормах (ст. 187-191, 278-280 УПК РФ и др.). Допросу свидетелей посвящены главы 23, 26, 37 УПК РФ.

В работах ученых-процессуалистов и криминалистов допрос, как способ получения показаний свидетелей, подвергнут достаточно обстоятельному рассмотрению. Этому посвятили свои труды К.А. Алексаньян, Л.Е. Ароцкер, А.Н. Васильев, Г.Г. Доспулов, Л.М. Карнеева, В.П. Кольченко, Ш.М. Мажитов, С.С. Ордынский, С.К. Питерцев, А.Р. Ратинов, С.Я. Розенблит, А.Б. Соловьев, А.А. Степанов, Е.Е. Центров и другие исследователи.

В нормах УПК РФ и трудах упомянутых выше ученых раскрыты важные аспекты допроса свидетелей: порядок вызова свидетеля, подготовка и проведение допроса, его процедура, применяемые тактические приемы и т.д. Были исследованы и психологические аспекты допроса, в том числе факторы, влияющие на продуктивность

восприятия, запечатления информации, ее воспроизведения и передачи следователю.

В рамках статьи нет смысла останавливаться на всех достаточно исследованных вопросах. Ограничим сферу исследования лишь такими проблемами допроса, от решения которых зависит обеспечение прав и законных интересов свидетеля, а также рассмотрим факторы, от которых зависит познавательный результат допроса, то есть получение неискаженных свидетельских показаний.

В первую очередь следует уточнить основания проведения данного следственного действия. В процессуальной литературе утвердился взгляд, согласно которому для проведения следственного действия нужны как фактические, так и формальные основания. Формальным основанием служит факт вызова свидетеля на допрос по делу, принятому следователем к своему производству, оформляемый повесткой или телефонограммой. Под фактическими же основаниями любого следственного действия обычно понимают данные, позволяющие следователю рассчитывать на возможность достижения цели следственного действия, то есть извлечения искомой информации из источников, предусмотренных законом². С этой точки зрения фактическим основанием проведения допроса служит информация о том, что лицу, не исключенному законом из круга свидетелей (ст. 56, 75 УПК РФ), известны какие-либо сведения о фактах, подлежащих доказыванию по делу. Это информация должна создать обоснованное предположение, что будущий свидетель располагает искомыми сведениями, т.е. наблюдал или по обстоятельствам дела мог наблюдать исследуемое событие или связанные с ним доказательственные факты либо получил сведения о событии из промежуточных источников. Полагаем, что фактическими основаниями должны быть имеющиеся в деле доказательства и лишь в отдельных случаях не противоречащие им данные оперативно-розыскного характера.

Подчеркнем, что фактические основания допроса не должны обязательно быть достоверными, они носят вероятностный, предположительный характер. Однако представляется недопустимым огульный вызов граждан на допрос при полном отсутствии таких оснований, в надежде на то, что им, возможно, что-нибудь известно по делу. Подобная практика имеет достаточно широкое распространение и приводит к тому, что граждане необоснованно отрываются

от своих обычных занятий, а в результате допроса выясняется, что информацией по вопросам, интересующим следователя, они не располагают. Так, по данным С.В. Ефремовой, из 1100 случаев допроса свидетелей в 621 (61%) следователи не располагали данными о том, что лицу известны какие-либо сведения, имеющие значение для дела. Автор отмечает, что об этом косвенно свидетельствовал тот факт, что показания этих лиц не использовались в дальнейшем ни в обвинительном заключении, ни в приговоре суда³. Эти выводы подтверждаются и нашими исследованиями. Так, из 880 изученных нами протоколов допроса свидетелей 510 (58%) протоколов содержали сведения, которые в дальнейшем не были положены в основу ни обвинительного заключения, ни приговора суда, причем в 190 (22%) протоколах содержалась запись о том, что свидетелю ничего по делу не известно.

Полагаем, что подобная практика вряд ли заслуживает одобрения. К вызову свидетеля на допрос органы расследования должны подходить со всей ответственностью. Хотя для вывода о возможной осведомленности свидетеля не требуется достоверных данных, предположения об этом должны иметь под собой достаточные основания. Следует учитывать, что необоснованный вызов сопряжен для свидетеля не только с определенными материальными потерями, но и с созданием для него нежелательного нервно-психического напряжения. Свидетель, как и любой другой участник процесса, находится под защитой закона (ст. 9 УПК РФ), и подобные нарушения его прав не должны иметь места.

Для уяснения сущности допроса необходимо выяснить, каким путем сведения, хранящиеся в памяти свидетеля, становятся достоянием следователя, то есть в чем состоит познавательная сторона этого следственного действия. Как верно отмечается в литературе, познавательную основу данного следственного действия составляет операция расспроса, состоящая в постановке перед допрашиваемым задачи на воспроизведение и передачу информации⁴. Наблюдение же (мимики и жестов допрашиваемого) играет вспомогательную роль, помогая следователю лучше уяснить смысл словесного сообщения. Согласимся и с мыслью о том, что допрос является не только способом получения новой доказательственной информации, но и

средством проверки, уточнения данных, почерпнутых ранее из других источников⁵.

В связи со сказанным возникает вопрос: происходит ли во время допроса двусторонний обмен информацией или информация исходит лишь от допрашиваемого, то есть от свидетеля? Иными словами, является ли операция расспроса односторонним процессом либо это процесс двустороннего обмена сведениями? Решая эту проблему, следует иметь в виду, что, согласно положениям логики, «в каждом вопросе имеются два элемента: 1) то, что известно; 2) то, что требует выяснения»⁶. Лицо, задающее вопрос, не только стремится восполнить недостаток своих знаний, но и неизбежно сообщает другому лицу некую информацию. Природа вопросов такова, что в каждом из них содержатся сведения, которые в какой-то мере могут повлиять на получаемый ответ. Поэтому неправильно полагать, что в задаваемом свидетелю вопросе вообще не должно содержаться никакой исходной информации для ответа. Подобное требование явно невыполнимо, поскольку довольно часто вопрос не может быть не привязан к определенному месту, времени, людям, обстоятельствам и т.п. Например, в вопросе: «Где вы были такого-то числа?» — содержится ориентировка во времени, в вопросе: «При каких обстоятельствах вы познакомились с Н.?» — ориентировка по отношению к определенному лицу и т.д.⁷ В известной мере информирующим является и начало допроса, поскольку вопрос: «А что вам известно по существу дела?» — во многих случаях предполагает еще и некоторое информирование допрашиваемого о том, какое событие и какие обстоятельства интересуют следователя.

В свете сказанного особую остроту приобретает вопрос о пределах сообщения следователем информации допрашиваемым и, в первую очередь, о том, вправе ли следователь предъявлять допрашиваемому имеющиеся у него доказательства, и какие именно. УПК РФ в ч. 3 ст. 190 закрепляет такую возможность, хотя и в неявной форме: «Если в ходе допроса допрашиваемому лицу предъявлялись вещественные доказательства и документы, оглашались протоколы других следственных действий и воспроизводились материалы аудио- и (или) видеозаписи, то об этом делается соответствующая запись в протоколе допроса». Таким образом, вопрос о возможности предъявления свидетелю уже полученных доказательств решен законода-

телем положительно. В определенной мере это не должно вызывать возражений. Действительно, предъявление свидетелю определенного документа (например, путевого листа) или иного объекта, связанного с совершенным преступлением (например, одежды, головного убора), способствует припоминанию определенных лиц, времени, места и других обстоятельств, подлежащих установлению. Это же относится к протоколам осмотра, обыска, выемки, предъявления для опознания, следственного эксперимента, содержащих сведения, по которым следует получить объяснения свидетеля. Как верно отмечено в литературе, цель таких действий — оказать помощь в припоминании интересующего следствие обстоятельства, попытаться преодолеть добросовестное заблуждение допрашиваемого⁸.

С учетом сказанного представляется правомерным предъявление и оглашение свидетелю протоколов его предыдущих допросов в случае, если при повторном допросе он изменил свои первоначальные показания. Полагаем, что следователь вправе это сделать, ибо без этого нельзя определить, какое из двух показаний свидетель считает правильным.

Весьма спорным, однако, остается вопрос о возможности предъявления и оглашения свидетелю протоколов допроса других лиц. В свое время Военная коллегия Верховного Суда СССР в определении от 27.07.1970 г. отметила, что «оглашение свидетелю показаний других лиц равнозначно постановке наводящих вопросов... Оглашение показаний недопустимо не только при первоначальном, но и при повторном показании свидетеля»⁹. В науке эта проблема не получила однозначного истолкования. Положительное ее решение усматривается из упомянутой ч. 3 ст. 190 УПК РФ, предусматривающей оглашение протоколов «других следственных действий». Некоторые исследователи считали допустимым оглашение таких протоколов, хотя и отмечали возможность при этом внушения¹⁰. Следует отметить, что подобный прием допроса достаточно распространен в следственной практике. Так, из 90 опрошенных следователей прокуратуры 63 респондента (70%) для устранения противоречий в показаниях прибегают к очной ставке, но остальные 27 (30%) считают возможным ограничиться оглашением протоколов допроса других лиц, давших противоположные показания. Думается, однако, что в споре о правомерности такого приема правы те исследователи, ко-

торые отрицательно относятся к возможности оглашения на допросе протоколов допроса других лиц. Так, по мысли М.С. Строговича, свидетель должен прийти в суд, «не будучи ознакомлен с показаниями других свидетелей и вообще с собранными по делу доказательствами. Отступление от этих правил, — пишет далее М.С. Строгович, — недопустимо как с процессуальной, так и с этической стороны, ибо это означает стеснение свидетеля в свободе говорить только то, что ему известно по делу, без постороннего воздействия и влияния на содержание его показаний». Обосновывая свою позицию о недопустимости оглашать на допросе свидетеля показания других свидетелей (добавим — подозреваемых, обвиняемых, потерпевших), автор особо подчеркивал обязанность следователя и суда обеспечить допрос каждого свидетеля в отсутствие других свидетелей и принятие мер к тому, чтобы вызванные по одному и тому же делу свидетели не могли общаться друг с другом¹¹.

Попробуем обосновать мысль о недопустимости оглашения протоколов допроса других лиц с точки зрения интересов допрашиваемого. Как известно, при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц следователь вправе произвести очную ставку¹². При этом ее участники наделены определенными правами, обеспечивающими их законные интересы. К числу таковых относятся: а) выяснение отношений между участниками (они могут пролить свет на мотивы показаний одного из них); б) запрет преждевременного оглашения предыдущих показаний того или иного участника (эта мера может исключить давление на участника очной ставки); в) право участников задавать друг другу вопросы (они могут помочь одному из участников выявить ложь или заблуждение в показаниях другого).

Все эти гарантии отсутствуют при оглашении свидетелю показаний других лиц, зафиксированных в протоколах их допроса. Поэтому такой порядок допроса превращается в суррогат очной ставки, своеобразный «наводящий вопрос», постановка которого при допросе категорически запрещена законом (ч. 2 ст. 189 УПК РФ)¹³.

Представляется, ввиду вышесказанного, целесообразным исключить из ч. 3 ст. 190 УПК РФ слова «других следственных действий», заменив их словами «осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента, предъявления для опознания».

УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, запретил постановку наводящих вопросов не только при допросах свидетелей и потерпевших, но и при допросах подозреваемых и обвиняемых (ч. 2 ст. 189, ч. 1 ст. 275 УПК РФ). Это предложение в определенной мере обеспечивает получение от допрашиваемых лиц более качественной, достоверной информации и позволяет избежать самооговоров.

К сожалению, понятие «наводящий вопрос» не включено в число основных понятий, используемых в уголовно-процессуальном законе, и его значение в ст. 5 УПК РФ и других статьях не расширяется¹⁴.

Разграничение «наводящего» и «не наводящего» вопросов вызывает определенные трудности.

Некоторые процессуалисты противопоставляют наводящим вопросам вопросы дополняющие, уточняющие, контрольные, считая допустимым их постановку¹⁵. Правильной представляется позиция Н.И. Гавриловой, А.Р. Ратинова, которые считают, что и перечисленные вопросы в определенной ситуации могут стать видами наводящих¹⁶. Как верно отмечает А.Р. Ратинов, любой вопрос должен побуждать свидетеля к свободному рассказу, а не к определенному ответу. В любых случаях вопрос должен быть сформулирован так, чтобы свидетель не мог извлечь из него никакой информации и вынужден был обращаться только к своей памяти¹⁷.

При этом следует заметить, что запрет постановки наводящих вопросов относится к «прямому» допросу свидетеля, при котором свидетель на предварительном расследовании или в суде по предложению органа расследования или стороны сообщает известную ему информацию. Однако несколько иная ситуация складывается при перекрестном допросе свидетеля в суде, в ходе которого исследуются уже данные им показания. Здесь «атакующий» стиль допроса, присущий сторонам с противоположенными интересами, приводит к необходимости ставить допрашиваемому вопросы, клонящиеся к опровержению их показаний, которые при прямом допросе могли отводиться как наводящие. Поэтому следует согласиться с авторами, которые считают такой допрос допустимым¹⁸.

В 880 изученных нами протоколах допроса свидетелей не удалось выявить ни одного случая постановки наводящего вопроса, а также ни одной записи об отклонении наводящего вопроса, заданного

защитником или другими участниками следственных действий. Но вряд ли это свидетельствует о безусловном соблюдении требований ч. 2 ст. 189 УПК РФ, поскольку при опросе следователей многие из них сообщили, что применяют сомнительные приемы допроса, о которых будет сказано ниже. Приведенные данные скорее говорят о том, что в протоколах допроса не фиксируются заданные вопросы.

Запрещая задавать наводящие вопросы, закон устанавливает, что в остальных случаях следователь свободен в выборе тактики допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Этот вопрос требует более детального освещения. Решая его, следует исходить из законодательного запрета задавать наводящие вопросы, применять насилие, угрозы, иные незаконные меры, а также создавать опасность для жизни и здоровья допрашиваемого (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Однако подпадают ли под этот запрет применяемые при допросе в соответствии с рекомендациями некоторых исследователей тактические приемы? Связанные с этим проблемы обсуждались многими исследователями. Ученые выделяют различные виды тактических приемов, причем некоторые из них, называясь по-разному, по сути представляют собой одни и те же приемы манипулирования информацией¹⁹. Практически все упоминают о следующих тактических приемах, используемых при допросе свидетеля: 1) формирование контакта с допрашиваемым; 2) оказание свидетелю помощи в припоминании забытых им фактов (постановка вопросов, активизирующих у свидетеля ассоциативные связи; предъявление свидетелю различных объектов, способствующих оживлению памяти и активизации ассоциативных связей); 3) выявление и устранение противоречий в показаниях свидетелей (сопоставление показаний со сведениями, имеющимися в материалах дела, с прежними показаниями того же свидетеля); 4) преодоление у свидетелей мотивов умолчания и лжи при даче показаний²⁰. Если первые три приема не вызывают сомнения в их правомерности, то допустимость последних требует дополнительных размышлений. Некоторые авторы считают возможным применение во время допроса так называемых следственных хитростей (их еще называют «психологическими ловушками»). Смысл этих приемов состоит в создании условий, при которых допрашиваемый, заблуждаясь в оценке информированности следователя об обстоятельствах дела или целей

допроса, поневоле сообщает скрываемую им информацию. Таковы приемы «допущение легенды» (когда следователь представляет допрашиваемому возможность нагромождать одну ложь на другую, облегчая этим возможность ее разоблачения); «отвлечение внимания» (выяснение второстепенных вопросов, скрывающее основную цель допроса); «разжигание конфликта» (рассчитанное на то, что, обострив противоречия в позициях участников, следователь побудит их изобличить друг друга); создание ошибочных представлений, что следователю «все известно» (с тем, чтобы продемонстрировать бесперспективность заpirationства) и т.п.

Ученые по-разному относятся к допустимости «следственных хитростей». Так, Г.Г. Доспулов, отмечая, с одной стороны, что следователь не может лгать и обманывать допрашиваемого, с другой стороны, полагает, что запрещение пользоваться такими средствами подобно обезоруживанию следователя. Автор предлагает считать указанные приемы допустимыми при условии, что действие их избирательное: для правдивого участника они являются нейтральными и не могут толкнуть его на путь дачи ложных показаний, в то время как лгущего побуждают к правдивости²¹. Другие не без основания усматривают в тактических приемах элементы обмана, недопустимые в процессуальной деятельности по моральным соображениям и способные привести к следственной ошибке, к даче свидетелем ложных показаний. Правильно пишет А.Р. Ратинов, что опасность таких тактических приемов состоит в том, что они находятся в резком несоответствии с этическими требованиями и задачами уголовного процесса²². По нашему мнению, явно недопустимым является прием «разжигания конфликта» (или эмоциональной напряженности) между свидетелем и подозреваемым (или обвиняемым). Как верно отмечают исследователи, такой прием чреват нарушением порядка допроса, нервным срывом допрашиваемого (в нашем случае – свидетеля) и даже отказом от дачи показаний²³. Недопустимы и приемы, основанные на открытом или замаскированном сообщении допрашиваемому ложной информации.

Следует заметить, что некоторые следователи считают возможным применять при допросе любые тактические приемы, не заботясь о том, в какой мере они допустимы. Так, в ходе проведенного анкетирования около половины из 90 опрошенных следователей

прокуратуры для преодоления попыток свидетелей утаить или извратить существенную информацию прибегали к указанным выше тактическим приемам, в том числе и к «следственным хитростям», хотя некоторые из них («отвлечение внимания», создание ошибочных представлений о том, что следователю «все известно») содержат в себе элементы обмана. Особенно тревожным является склонность части опрошенных (10 из 90, то есть 11%), использовать прием «разжигания конфликта», который недопустим по многим причинам. Представляется, что работникам органов расследования следует прививать мысль о более осторожном подходе к выбору тактических приемов.

Заметим также, что активное использование следователем сомнительных тактических приемов сочетается одновременно с их пассивным отношением к лжесвидетельству. Так, 39 из 90 опрошенных (43%) не принимали мер для привлечения свидетелей, давших ложные показания, к уголовной ответственности. По-видимому, одной из причин такого положения является нечеткость правовой регламентации привлечения лжесвидетелей к ответственности.

Суммируя сказанное, заключим:

1. Будучи основным способом получения свидетельских показаний, допрос должен проводиться с соблюдением требований закона и научных рекомендаций, обеспечивающих как получение максимального познавательного результата, так и обеспечение прав и законных интересов допрашиваемого.

2. Как и все другие следственные действия, допрос свидетеля может проводиться лишь при наличии формальных и фактических оснований. Требуем преодоления практика проведения допросов при отсутствии фактических оснований, закономерным результатом чего является недостижение целей следственного действия и неоправданное ущемление законных интересов свидетеля.

3. Несмотря на то, что постановка вопросов при допросе свидетеля всегда включает в себя сообщение допрашиваемому некоторой информации, последняя не должна служить подсказкой желаемого ответа. Вопрос должен быть сформулирован таким образом, чтобы свидетель не извлек из него никакой новой информации и при ответе опирался только на данные, сохранившиеся в его памяти.

4. С учетом сказанного представляются ошибочными рекомендации ученых о возможности оглашения на допросе показаний

других лиц, что является суррогатом очной ставки, существенно нарушающим права и интересы свидетеля, которыми он наделен при проведении очной ставки.

5. Закон без каких-либо ограничений разрешает следователю применение при допросе тактических приемов. Правомерны те из них, которые направлены на активизацию памяти и оказание помощи допрашиваемому. Однако недопустимы тактические приемы, основанные на сообщении допрашиваемому ложной информации и нарушении этических норм.

Примечания

¹ Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. — С. 106.

² Ефремова, С.В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса: дис. ... канд. юр. наук / С.В. Ефремова. — Самара, 2004. — С. 47-66.

³ Там же. — С. 94.

⁴ Шейфер, С.А. Указ. соч. — С. 106. Это мнение разделяет и В.П. Кольченко (см.: Кольченко, В.П. Допрос как способ доказывания и средство обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Кольченко. — Саратов, 2003. — С. 13.) и многие другие авторы.

⁵ Образцов, В.А. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. — М.: Омега, 2003. — С. 16.

⁶ Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. — М.: Наука, 1975. — С. 92.

⁷ На это обстоятельство обращают внимание многие исследователи. См., например: Соловьев, А.Б. Допрос на предварительном следствии: методическое пособие / А.Б. Соловьев, Е.Е. Центров. — 2-е изд., перераб. — М., 1986. — С. 40-41.

⁸ См.: Карнеева, Л.М. Тактика допроса на предварительном следствии / Л.М. Карнеева, С.С. Ордынский, С.Я. Розенблит. — М.: Юрид. лит., 1958. — С. 77-81, 87; Ароцкер, Л.Е. Тактика и этика судебного вопроса / Л.Е. Ароцкер. — М.: Юрид. лит., 1969. — С. 96-98; Питерцев, С.К. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. — СПб.: Питер, 2001. — С. 60-61.

⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1971. — №2. — С. 14.

¹⁰ См.: Карнеева, Л.М. Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству / Л.М. Карнеева, И. Кортэс. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 82; Соловьев, А.Б., Центров, Е.Е. Указ. соч. — С. 23, 40; Соловьев, А.Б. Использо-

вание доказательств при допросе / А.Б. Соловьев. — М.: Юрид. лит., 1981. — С. 10-63.

¹¹ Строгович, М.С. Проблемы судебной этики / М.С. Строгович. — М., 1974. — С. 136-138.

¹² Необходимость проведения в таких случаях именно очной ставки отмечается и в научной литературе. См.: Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. — М.: Юрлитинформ, 2001. — С. 230-231.

¹³ Внушению при допросе посвящены обстоятельные исследования. См.: Якуб, М.Л. Показания свидетелей и потерпевших (Оценка показаний свидетелей и потерпевших на предварительном следствии и в суде первой инстанции) / М.Л. Якуб. — М.: Изд-во МГУ, 1968. — С. 77-80; Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. — С. 220-227; Гаврилова, Н.И. Ошибки в свидетельских показаниях (Происхождение, выявление, устранение): методическое пособие / Н.И. Гаврилова. — М., 1983. — С. 87-104.

¹⁴ В уголовно-процессуальной науке наводящий вопрос определялся по-разному (см.: Образцов, В.А., Богомолова, С.Н. Указ. соч. — С. 51; Кольченко, В.П. Допрос как способ доказывания и средство обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Кольченко. — Саратов, 2003. — С. 16; Александров, А.С. Перекрестный допрос / А.С. Александров, С.П. Гришин. — М.: Проспект, 2005. — С. 128; Александров, А.С. Наводящие вопросы / А.С. Александров, С.Д. Белов // Законность. — 2002. — №2. — С. 40-44; Центров, Е. Наводящий вопрос и оглашение показаний на допросе / Е. Центров // Российская юстиция. — 2003. — №4. — С. 28-30; Центров, Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе / Е. Центров // Российская юстиция. — 2003. — №5. — С. 43-45). Несмотря на некоторые различия, под наводящим вопросом авторы обычно понимают такой, который своей формулировкой, содержащейся в нем информацией, интонационным, эмоциональным подтекстом прямо или косвенно наводит на определенный ответ. При этом наводящий вопрос может быть выражен не только в словесной форме, но и жестом, мимикой.

¹⁵ См., например: Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. — М.: Госюриздат, 1958. — С. 310-315.

¹⁶ Так, Н.И. Гаврилова выделяет: 1) вопросы, содержащие прямую подсказку: Были ли на похитителе перчатки? (При условии, что свидетель назвал похитителя); 2) уточняющие вопросы: Какого цвета были перчатки у похитителя? (При условии, что свидетель назвал похитителя, но о наличии перчаток ничего не говорил); 3) вопросы, содержащие непрямую подсказку: Как выглядел севший за руль похититель, который был в перчатках? (При условии, что свидетель описал факт угона машины и назвал похитителей). Исследования автора показали, что наименьшее внушающее воздействие оказывает вопрос в виде прямой подсказки — 23,6%, самое большое внушение вызывает вопрос в виде непрямого подсказки — 55,4%, уточняющий вопрос — 40,9%.

См.: Гаврилова, Н.И. Ошибки в свидетельских показаниях: методическое пособие / Н.И. Гаврилова. — М., 1983. — С. 102.

¹⁷ См.: Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. — С. 223.

¹⁸ Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная / Л.Е. Владимиров. — 3-е изд. — СПб.: Законоведение, 1910. — С. 320-322; Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос. — С. 121-131.

¹⁹ Питерцев, С.К. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. — СПб.: Питер, 2001; Васильев, А.Н. Тактика допроса при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева. — М.: Юрид. лит., 1970. — С. 75-108.

²⁰ См.: Карнеева, Л.М. Тактика допроса на предварительном следствии / Л.М. Карнеева, С.С. Ордынский, С.Я. Розенблит. — М.: Юрид. лит., 1958. — С. 72-92; Доспулов, Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии / Г.Г. Доспулов. — М.: Юрид. лит., 1976. — С. 56; Васильев, А.Н. Тактика допроса при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева. — М.: Юрид. лит., 1970. — С. 75-108.

²¹ Доспулов, Г.Г. Указ соч. — С. 53-54, 78-84; Питерцев, С.К., Степанов, А.А. Указ. соч. — С. 48-68.

²² См.: Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей. — С. 202-203.

²³ См.: Соловьев, А.Б., Центров, Е.Е. Указ. соч. — С. 12-13; Доспулов, Г.Г. Указ. соч. — С. 34.

*Н.А. Развейкина**

МОЖЕТ ЛИ ПРИГОВОР СУДА ПРИСЯЖНЫХ БЫТЬ НЕСПРАВЕДЛИВЫМ?

*Ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость;
все другие виды зла, которые нам приходится терпеть,
ничто по сравнению с ней.*

И. Кант

Воплощая в жизнь замысел о возвращении в Россию суда присяжных, разработчики Концепции судебной реформы 1991 г. делали ставку на справедливое разрешение уголовных дел на основе вердик-

* © Развейкина Н.А., 2008

Развейкина Надежда Андреевна — канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет